

18+

Тревоги Мои не избыть

Валентин
Серебряков

Валентин Михайлович Серебряков

Тревоги Мои не избыть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55849835

ISBN 9785449378279

Аннотация

Книга «Тревоги Мои не избыть» (по мотивам верлибров Алена Боске) – не сборник переводов избранных стихов, а первая попытка составить представление об особенностях поэтического почерка французского поэта Алена Боске по одной из самых известных его поэтических книг «LE TOURMENT DE DIEU» («Переживания Бога»), полностью пересказанной по мотивам ее верлибров в вольной манере рифмованными стихами. Книга состоит из семи разделов, обусловленных тематическими особенностями и сохраняющих свою интонацию.

Содержание

Тревоги Мои не избыть	6
От автора	6
Мой особенный Боске	11
Как я его понял	15
ОТ РЕДАКТОРА	20
МОИ СИНОНИМЫ	22
Мой конь	23
Доля Создателя	24
Если Я ошибусь	25
Я прошу извинить	26
Другой бог	27
Про Легкое	28
О сути	29
Слово «бог»	30
Отстраненность	31
Деловой совет	32
Без детства	33
Я не гордый	34
Странные создания	35
Бренное тело	36
Верить в Бога	37
На подмогу	38
Ручей	39

Право быть...	40
Генеральный директор	41
Бог остался один	42
Инкогнито	43
Дерево – бог	44
Про обузу	45
Не понять Меня	46
Если ты думаешь...	47
Поменять	48
Так гибнут боги	49
Моя роль	50
Как смириться?	51
Вы давно себе...	52
Буржуй	53
Как некто...	54
Хочу быть слугой	55
По ошибке	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тревоги Мои не избыть

Валентин Михайлович Серебряков

В оформлении обложки использован фрагмент фрески Микельанджело Буонарроти на потолке Сикстинской капеллы СОТВОРЕНИЕ АДАМА.

В оформлении книги использованы работы Р. Магритта.

Редактор Евгений Гутман

Корректор Алексей Леснянский

© Валентин Михайлович Серебряков, 2020

ISBN 978-5-4493-7827-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тревоги Мои не избыть по мотивам верлибров Алена Боске

От автора

*Как в Зарубежье, к Одессе не близком,
не на родном черноморском песке
вырос из мальчика Толика Биска
французский поэт и писатель Боске?*

В. Серебряков

Ален Боске, французский поэт и прозаик, кавалер ордена Почетного легиона, член Королевской академии французского языка и литературы Бельгии, президент Европейской поэтической академии в Люксембурге, лауреат многих престижных премий, в том числе Гонкуровской, Французской академии, Шатобриана, Сен-Симона и др.

Ален Боске (настоящее имя – Анатолий Биск) родился в Одессе 28 марта 1919 года. Через год его отец, Александр Биск, литератор, увез семью за границу: сначала в Болгарию, затем в Брюссель, где Ален учился в Брюссельском университете.

Началась Вторая мировая война. Мобилизованный в 1940 году, он сражался в бельгийской, затем во француз-

ской армиях. В 1942 году он бежал со своей семьей в Соединенные Штаты Америки (Нью-Йорк). В 1943 году получил гражданство США и вступил в американскую армию, в составе которой принял участие в высадке союзников в Нормандии.

Ален Боске

После войны он был специальным советником миссии
Союзного контрольного Четырехстороннего совета Берлина

с 1945 по 1951 год. Здесь он встретил свою жену Норму Каплан. В апреле 1951 года Ален ушел в отставку, переехал в Париж и закончил учебу в Сорбонне.

Занимался литературоведением, журналистикой и сочинительством, автор около тридцати поэтических сборников, а также многочисленных эссе и переводов русских поэтов: Цветаевой, Ахматовой, Волошина, Хлебникова.

Ален Боске принадлежит к плеяде выходцев из России, составивших славу французской литературы, как Эльза Триоле, Натали Саррот и Ромен Гари.

Гражданином Франции он стал только в 1980 году.

Скончался в Париже 17 марта 1998 года.

Боске в России издавался чрезвычайно мало. На русском языке изданы его **Избранные стихотворения** [1984], сборник стихов из разных книг **Слова и люди** [1994], роман **Русская мать** [1998] и сборник: **Прощание-роман; С блеском прожить незамеченным; Из записных книжек** [2001]. Ни одного полного сборника стихов не издавалось.

Предлагаемая читателю книга **Тревоги мои не избыть (по мотивам верлибров Алена Боске)** – первая попытка дать представление российскому читателю о творчестве Алена Боске по его полному сборнику Alain Bosquet «LE

TOURMENT DE DIEU», Editions GALLIMARD, 1986. Выдающиеся переводчики отдавали должное этому замечательному автору и стихам из этой книги, которую они переводили на свой лад.

Михаил Леонович Гаспаров: «Если есть такое противу-
смысленное понятие, как добрый сюрреализм, то именно оно лучше всего приложимо к стихам Алена Боске. Таким же добрым сюрреалистом выступает у него Господь Бог в книжке стихов, которая называется **Les Tourments du Dieu**, видимо, не **Страсти Господни**, а **Хлопоты Господни**». Впрочем, сам о себе он писал: «*Я – запятая, а вы угадайте, в каком тексте*», – пусть читатель угадывает сам».

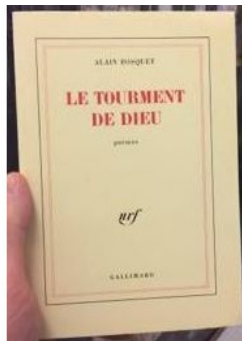
Морис Николаевич Ваксмахер: «В кратком предуведомлении к своей поэтической книге „Тревоги Господа Бога“ А. Боске говорит: „*Я свои пределы знаю, но моим стихам они неведомы*“. Поэт передает своим стихам право на дерзкий полет фантазии. Но в калейдоскопе гипотез, проб и чудес Алена Боске незыблемым остается мотив прославления творческой свободы – и для творящего Вселенную Бога, и для творимого Им человека, порою вступающего со своим Создателем в веселое состязание, и для поэта, наблюдающего такие турниры. („*Глубокой жалости достойны ханжи, готовые усмотреть в подобных мотивах кощунство*“)»

Мой особенный Боске

С творчеством французского поэта Алена Боске я познакомился совершенно случайно, хотя, говорят, ничего случайного не бывает. В начале нулевых мне попался на глаза журнал «Огонек» – времен Виталия Коротича (1986—1991), по-моему, за 1990 год, в котором была опубликована подборка переводов верлибров Алена Боске, выполненных Морисом Ваксмахером. Два из них меня зацепили сразу, и я попробовал пересказать их для себя в рифму, мне казалось, что рифмованные стихи лучше доносят смысл. Мне интересно было их содержание, этот вольный разговор с Богом, лишенный всякого пиетета, но сохраняющий уважение к нему и приближенность к нашей человеческой роли.

В 2016 году я вспомнил о стихах Алена Боске и захотел к ним вернуться. В Интернете я нашел переводы М. Н. Ваксмахера и М. Л. Гаспарова, различные по стилю, что было особенно заметно на одних и тех же стихах, которые эти переводчики, не сговариваясь, выбрали из книги Боске **Le tourment de Dieu**. На русский язык ее название переводили по-разному, но я согласился с вариантом, предложенным носителем языка, руководителем Культурного центра «Покровские ворота» (Москва, Покровка, 27) Жаном Франсуа Тири: **Переживания Бога**. Позже выяснилось, что из многих стихотворных сборников поэта именно эта книга бы-

ла переведена не менее, чем на 8 языков. Я заинтересовался первоисточником. Необъяснимое желание, ведь языка я не знал. Но захотелось посмотреть на оригинальные тексты, подержать книгу в руках, полистать страницы. Я обратился к моему знакомому, живущему в Париже, и он прислал мне книгу на французском.

Оригинал на французском

Это был солидный сборник в мягком переплете издательства GALLIMARD («Галлимар»), в котором я насчитал 248 верлибров, распределенных по трем разделам: в I разделе, который называется как и вся книга *Le tourment de Dieu* («Переживания Бога») – 124 верлибра, во II разделе *D'un désarroi heureux* («Со счастливым смятением») – 99 верлибров и в III разделе *Pour une identité* («Для себя») – 25 верлибров, которые заметно отличаются своей биогра-

фичностью.

Имея оригинал на французском, я озадачился составлением подстрочников. С помощью друзей, знающих язык, а большей частью благодаря онлайн-переводчикам в Интернете, я стал составлять подстрочники, докапываясь до главной мысли каждого стихотворения. Я упорно пытался извлечь порой из абсолютной абракадабры, выдаваемой онлайн-переводчиками, смысл и идею стиха, разбивал фразы на отдельные слова, использовал встречный перевод, чтобы убедиться в точности примененных автором слов и их сочетаний друг с другом. Сравнивая и анализируя варианты переводов, я пробирался к содержанию стихотворений. Когда смысл и логика мне представлялись понятными и мотив сложенного таким образом подстрочника меня увлекал, я создавал его рифмованную интерпретацию.

Так я переиначил, переложил, пересказал, не знаю, как точнее назвать то, что я делал, всю книгу, пропустив из последнего раздела 7 стихотворений с зарисовками о пребывании в памятных ему местах. Уже работая над книгой, я понял, что, отталкиваясь от исходной мысли автора, увлекаюсь собственными ассоциациями, не сдерживаю себя и выношу на суд читателей это свое понимание. Я отважился на такое переосмысление почти всей книги. Мы оба – авторы: Боске французских текстов, я – их русскоязычной интерпретации, зачастую не во всем адекватных оригиналу.

Я пытался убедить несколько издательств решить вопрос

с авторскими правами и издать книгу, но не получил поддержки и понимания. Мне просто не отвечали. Отчаявшись найти издательство, я сам обратился с письмом непосредственно в издательство «Галлимар» в Париже, попросив друзей перевести его на французский, но тоже не получил ответа. И я принял решение издать сложившуюся у меня книгу под своим авторством, не скрывая, от чьих идей и замыслов я отталкивался, сохранив порядок следования стихов, как в оригинале, чтобы в целом остался дух Алена Боске.

Обвинить меня в плагиате может только владелец авторских прав, но я не уверен, что эту мою работу можно считать плагиатом. Тем более что я не преследую коммерческих целей, не собираюсь заработать на чужом имени и таланте, а просто популяризирую известного французского поэта с российскими корнями, но малоизвестного в русскоязычной среде. И закрепляю за собой право на то, что я проделал за последние два года, большая часть времени из которых ушла не столько на работу со стихами, сколько на попытки найти подходящего издателя. Поддержкой в принятии такого решения послужила публикация подборки моих переложений из этой книги журналом «Иностранная литература» (ИЛ) в 8 номере за 2019 год. Это был год столетия со дня рождения Алена Боске. Публикация в ИЛ была снабжена копирайтами и издательства «Галлимар», и моим. В ИЛ меня называли переводчиком, хотя я переводчиком не являюсь, а только интерпретатором.

И последняя из особенностей. У Боске все стихотворения, за исключением последнего раздела, не имеют названий, я же дал названия всем стихотворениям. Таким образом, я представляю Алена Боске во многом по-своему, поэтому и употребил в названии подзаголовка слова «Мой особенный Боске». Представляемую книгу я, в отличие от Боске, назвал не по названию первого раздела, а **Тревоги Мои не избыть**, учитывая, что тревоги и переживания испытывает не только Бог, но и другие лирические герои книги, и слово «Мои», хотя и выделено прописной буквой, относится ко всем персонажам, озабоченным превратностями окружающего мира.

Как я его понял

Книга состоит из семи разделов. Разбиение на разделы обусловлено не столько тематическими особенностями, которые нельзя не заметить, сколько желанием более равномерного распределения стихов и выявления дополнительных интонаций.

Первые три раздела: «Мои синонимы», «Быть счастливым изволь» и «Весы твои – Я» – несут на себе всю ответственность за название, которое Боске дал своей книге **Переживания Бога**. Главная роль в них принадлежит Богу, и разговор идет от имени Бога-Творца, Он главное действующее лицо и основной лирический герой. Почти каждое стихотворение

этих разделов начинается со слов: «Бог сказал...»

Исследуя подстрочники этих верлибров Боске, я изумлялся его словесной эквилибристике, парадоксальности и неожиданности сравнений, смещению акцентов, гротеску и юмору. Удалось ли это передать в своей книге, судить читателю. Но и в моей книге Бог может сомневаться («мир создал Я, не знаю зачем»), радоваться и восклицать («Я – ваша громкая музыка слов»), сожалеть («У меня даже прошлого нет»), завидовать («соблазнителен Мне человеческий путь»), огорчаться («такая уж роль у Меня, и она никуда не годится»), не выделяться («Я как все быть хочу»).

Бог в книге не Дух, не Отец. Он – Творец! Творец, который радуется и любит своими творениями, будь то камень, море, небо, просто живая тварь или человек. Ему как Творцу кажется, что если свойства и характеры созданной им природы, ее частей, явлений и живых существ, а то и их составные части поменять местами, то возникнет более устойчивая и гармоничная комбинация. Поэтому он всегда в состоянии поиска, в постоянных попытках что-то изменить, наделить другими свойствами свои создания («Я должен доделать Луну, камню твердость прибавить и успокоить колибри»). Понимая, что в мире много неустроенного особенно из-за бесконечного желания человека все подчинить себе, нарушая гармонию созданного мира, Бог старается перекроить мир, чтобы порядок был лучшим («Я не гордый: Мой мир совершенен не более, чем поэтом зачеркнутые

стихи»).

В книге читатель не встретит ни умаления, ни унижения, ни оскорбления Бога, наоборот, в стихах это подчеркивается, что *«унизить Меня, обругать, оскорбить невозможно»*. Но с Ним можно и нужно разговаривать, и Он сам к этому разговору стремится и ведет диалог с человеком на равных: *«Я тебе для чего дал язык?.. Чтобы ты Мне мог противоречить»*, — и готов поменяться с человеком местами, подчеркивая его творческую потенцию: *«Друг без друга мы не можем. Это Я тебя создал, ты Меня придумал тоже»*. Не теряя своей созидательной роли, Бог очеловечивается. Такой Бог не может удовлетворить самого человека, а придуманному Богу не нравится созданный им человек (*«Мне не нравится, как Я сотворил человека»*), хотя Он и восхищается им: *«Ты Мой любимец среди всех Моих разнообразных созданий»*, но избегает собственного возвеличивания (*«Останься скромно, не покидая кров, на страницах Библии, среди ее слов»*).

Бог в книге не религиозен (*«в Меня не обязан ты верить»*), но в таком представлении Бога нет кощунства. И человек разрывается между своей телесностью, своим существом, неудержимым в своих проявлениях, и иной ипостасью (*«Ты дал Бога мне вроде меня, да вот я не пойму, это Ты или я»*), в которой не всегда комфортно от ощущения присутствия Бога, от Бога, живущего в сердце человека (*«Я живу внутри вас, где всегда Я и жил»*), от его мощи и любви,

на которые не всегда хватает решимости и желания ответить взаимностью.

В следующем разделе «Раздвоение» лирический герой догадывается о своей непростой природе и как бы раздваивается, пытаясь разобраться в окружающем мире («*Я – тот, кто свою статью хочет ошибкой*»), разобраться в своих отношениях с Богом («*Бог мной не доволен. Я об этом молчу*»), с верой в Него («*Я верую в Бога, не веря в Него*»). И иногда трудно различить, от имени какого лирического героя – Бога или человека, – ведется разговор, так как они сливаются в своей одинаковости, похожести сомнений, рассуждений, переживаний, подтверждая, что являются образом и подобием друг друга («*Слова Господь мне открывает, и я дарю их, пока Он спит*»). Но в итоге соглашается с таким устройством мира («*Так было, есть и будет*»).

А в разделе «Растерзан, но счастлив» уже человек недоволен собой и сравнивает себя с предметами, окружающими его («*Мой кузен – бульжник, невестка моя – стрекоза. Кран – брат-близнец, телефон – духовник*»), которым он частично завидует («*Я завидую крану, ржавому и грязному*») и с которыми себя сравнивает («*Я счастлив, как морская пена*»). Но, всматриваясь в окружающую действительность, не может не возмущаться сложившимся мироустройством («*Я цивилизован, да, я просвещен и бомбами изрядно оснащен... Зато мы полюбили „мирный“ Атом!*»). Здесь все явственнее чувствуются боль и переживания человека, осо-

знающего себя частью общества («*Общество парализовано своим бездействием*»), доходящего до отчаяния («*Я хотел быть ванной, чтобы утопить себя*»), но пытающегося нащупать выход из создавшегося положения («*Я создаю нежность и нечто похожее на счастье. Плачу, люблю всех, наверное, перед концом*»). Заключают раздел «Отдельные фрагменты», в которых представлены некоторые мысли, претендующие на афоризмы или на темы завтрашних стихотворений, до которых не дошли руки.

В разделе «О сокровенном» уже просматриваются, а то и непосредственно раскрываются автобиографические мотивы французского автора, что видно уже в названиях стихотворений: «*Сын взрослеет*», «*Моему деду...*», «*Лето 1975*» – год гибели при пожаре его отца, «*Маме 85*». Последний раздел «Гражданская война» самый маленький, он состоит из восьми стихотворений, не попавших в предыдущие разделы, потому что они взяты из других книг.

В заключение хочу выразить признательность переводчикам, которые открыли Алена Боске русскому читателю: Морису Николаевичу Ваксмахеру (1926—1994), Михайлу Лебновичу Гаспарову (1935 —2005). Светлая им память!

Выражаю особую благодарность Антону Гелясову за подаренную книгу. А также моим помощникам в поисках смыс-

ла верлибров Алена Боске: Жану Франсуа Тири, Силкиной Ларисе, Борзенко Анне, Филипенко Марине, Казаковой Татьяне.

Благодарю своих друзей и членов моей семьи, первых читателей и критиков моих переложений.

Выражаю особую благодарность редактору Евгению Гутману, который кроме прямых редакторских обязанностей способствовал моему знакомству с ведущим Израильского русскоязычного радио «КАН-РЭКА», замечательным поэтом Игорем Харифом, хорошо знакомым с творчеством Алена Боске и его отца, поэта и переводчика Александра Биска. Заинтересовавшись моими переложениями, Игорь Хариф пригласил меня в свою авторскую программу «Полная иллюминация», в которой я выступил 23 февраля 2018 года.

ОТ РЕДАКТОРА

Трудно добавить что-либо к столь подробному и вдумчивому авторскому предисловию.

Ален Боске, несомненно, оказался близок Валентину Серебрякову своими парадоксальными взаимоотношениями с Богом-творцом, что и привело к написанию этих импровизаций-переводов «по мотивам».

Я видел, как тщательно отбирался текст, как автор старался докопаться до сути каждого стихотворения, как мысль

Боске зажигала ответную реакцию, как рождались рифмованные строки, столь близкие традиции русской поэзии (в отличие от западной, тяготеющей к верлибру). Иногда это было как озарение: несколько стихов подряд за один день. А затем выкристаллизовывался и отшлифовывался конечный вариант.

Я благодарен Валентину за возможность познакомиться с таким самобытным и парадоксальным поэтом, как Алэн Боске, и за возможность наблюдать за самим процессом создания этой книги, работа над которой заняла около двух лет.

Евгений Гутман

МОИ СИНОНИМЫ

Мой конь

Бог говорит:

«Не одну сотню лет изобретал Я игриво
стройные ноги с волнистым хвостом и златокудрую гриву.
Тридцать сезонов Я формы искал, верил, что все же сумею
определить для коня Моего корпус, грудь, голову, шею.
Долго лежали все порознь они в праздности скучной,
пока не решил Я их вместе собрать
методом пробы научной.

Может, кому-то не угодил, но конь Мне понравился
очень:

он получился лихой у Меня и озорной, между прочим, —
все рвется гулять в облаках среди звезд,
по дальним окраинам Млечным...

Но хорошо понимает Меня и мчится галопом навстречу.
Не любит узды и встает на дыбы, завидев тяжелую ношу...
Не бойся, Мой конь, коль Я создал тебя,
то в трудное время не брошу!»

Доля Создателя

Бог говорит: «Мне не нравится,
как Я сотворил человека,
сдается Мне, кто-то все время мешал —
так дьявол мешает от века.

Два глаза, два уха Я дал ему, чтоб
он видел и слышал свободно.

Я дал две ноги ему, дал две руки —
он понял, что это удобно.

Но вдруг Я стал скуп и дал тело одно,
боясь, что ходить будет прямо,
и сердце одно, чтобы много любви
не проявлял он упрямый.

Ошибся Я, видно, его обделив,
он вышел надменен и горделив.

Создателя доля сурова,
Я б лучше создал его снова».

Если Я ошибусь

Бог сказал: «Сотворив козодоя, печень, сетчатку,
Солнце, которое дни напролет умиляется славой,
Я придумал абстрактных понятий десятки
и раздаю их любому налево-направо.

Разум случайно достанется мрамору, память —
лугу отдам, подарю муки совести тигру...
Только найдется ли тот,
кто сумеет поправить Меня,
если Я ошибусь в этих играх?»

Я прошу извинить

Бог говорит:

«Не совершенен Мой мир, Я не спорю, согласен и оставляю вам право придумать другой.

Больше того, Я так добр, либерален и Мне будет ясен второй бог, как Я, но искусный такой, что может успешно Мои недоделки исправить.

А Мне не мешайте: Я время напрасно теряю, а должен доделать Луну, камню твердость прибавить и успокоить колибри, что Я ей вполне доверяю».

Другой бог

Бог говорит: «Мне одному не под силу
весь этот мир привести в совершенство.

И Я потихонечку из джентльменства

бога другого придумал. Мне стало мило —

Я с ним советуюсь: воды в океанах не много ль,

надо ль деревья заставить ходить по дорогам,

может быть, крылья человеческой сделать приметой?..

Не станет ли Мне этот бог конкурентом при этом?»

Про Легкое

«Я придумал нежный орган, – как-то Бог мне рассказал, —
он, как губка, красный, мягкий, и, похоже, он играл:
то вздувался, то сжимался, звук шипящий издавал,
будто воздух выпускал – Легким Я его назвал.
Только вот теперь не знаю – в кого орган Мой вселить?
Дать звезде, вулкану, псине, чтоб ей бегать и скулить,
или острову большому, чтобы волны разбивать
и в прибое беспокойном из них пену выдувать.
И решил: сначала орган этот камню подарю,
пусть он с Легкими встречается по утрам свою зарю».

О сути

Не имеющий формы Создатель всего,
кем бы Он ни предстал перед нами:
листом дуба, кометою ли кочевой,
острым кристаллом, цунами
иль островом, скрытым в туманной дали...

Только жук, мы при этом не шутим,
формы точной ценитель и житель земли,
не поверит Его божьей сути.

Слово «бог»

Бог сказал: «Я Бог из уваженья к слову «бог», другого слова человек мне просто выдумать не мог. Слова другие все похожи на издевку и подлог, и Я искал бы для возврата к нему всяческий предлог, чтобы осталось неизменным это чудо-слово «бог».

Ради него Я обещаю миру: музыку и силу, сказку, счастье, солнце, небесные светила, разум и свободу, время и размеры... Да, Я – Бог, чтобы служить примером. Только слова этого мало Мне, Я знаю и ищу синонимы, их Мне не хватает».

Отстраненность

Бог сказал: «Стал в себе наблюдать Я
отстраненность какую-то между Мной и Собой.
Чтобы как-то замять Мне открывшийся сбой,
стал придумывать Я Себе новые платья:
вот Я – птичка на ветке, вот в саванне Я – слон,
вот Я – песенка нежная, вот Я – речные пороги,
остров маленький, капля росы, легкий сон...
В них другие совсем Мне являются боги».

Деловой совет

Бог сказал: «Деловой Мне ваш нужен совет:
Что не нравится вам во Вселенной?
Может быть, месяц май, подскажите ответ,
сделать до ноября неизменным?
Может, лошади надо помедленней стать,
например, как волю трудовому?
А комете не в космосе где-то летать,
а у вас за обедом быть дома?
А душа, вы хотите, чтоб сделалась вдруг
как голубка, овес или рыбки?
Очертите желаний заведомый круг,
коль смогу, Я исправлю ошибки».

Без детства

Сетовал Бог: «Я как-то вдруг загрустил
оттого, что был взрослым с рожденья.
И, детства лишенный, Я не узнал, не открыл
этот Мной созданный мир. Удивленья
Я был лишён. И никому не сказал:
«Добрый день, мои мама и папа!»
Наивности не испытал
и не побывал простодушным растяпой.
Все: от лавы, цветов, мошкары, от людей и планет, —
считают Меня и творцом, и в ответе
за их пребыванье на свете.
Грустно Мне так – у Меня даже прошлого нет».

Я не гордый

Бог сказал: «Если верить в Меня
вам совсем неприятно,
воля ваша – не верьте, но Я буду искренне рад,
если что-то понравится вам или будет занятно
из творений Моих наблюдать непривычный парад:
вот ракушка, в которой мелодия, как в дольном хоре,
вот деревья, летящие к звездам коварно лихи,
а вот море, твердящее сотни раз: «Да, я море»...
Я не гордый: Мой мир совершенен не более,
чем поэтом зачеркнутые стихи».

Странные создания

«Случай чрезвычайный, – поделился Бог, —
Я подумал, для чего Мне эти странные создания —
ангел, дракон-ящер и единорог, —
есть ли оправданье их существованья?
Я призвал к совету крепких и реальных,
тех, в кого Я верю, пусть неидеальных:
лошадь, баобаб и гору, что у моря,
чтобы обсудить все в общем разговоре.
Спорили, рядили, пять раз собирались,
но не договорились, хотя все старались.
И решил оставить Я, рискуя, может, многим,
ангела, дракона и единорога.
Но во избежание недоразумений
сделал их невидимыми среди других творений.

Бренное тело

Бог сказал: «Чтобы Мне позабавиться,
Я решил человеком представиться.
В плоть оделся Я: череп, стан, органы, мышцы...
Дал Себе Я слова, чтоб от гордости пыжиться.
Дал Себе сон-мечту, честью Я наслаждаюсь,
то ли есть Я теперь, то ли нет – не ручаюсь.
Сходства много, Себя бы не обмануть,
соблазнителен Мне человеческий путь.
Но душа Моя все ж остается весомей,
чем то бренное тело на душевном подъеме».

Верить в Бога

Бог говорит: «Что вы, верить в Меня?

Я предложить не решаюсь вам даже.

Спросите совета у искры огня,

у куницы, росы – они лучше подскажут.

Взвесьте все «против», все «за» и все «вероятно»;

галька на пляже, заря, полуостров, родимые пятна
вам присоветовать смогут полезное что-то.

Проконсультируйтесь с мышцей своею, с аортой,
легкими, кожей, с ушами, с глазами:

это им нужно будет решать, не нам с вами...

Если выбран момент для желанья благого —
верить в Бога».

На подмогу

«Почему, – молвит Бог, – Я вот должен один
отвечать за Свою за божественность?
Вот, к примеру бы, вы, молодой господин,
иль Вы, в шляпе – сама непосредственность, —
не хотели частично со Мной разделить
Мою вечность, Мое всемогущество?
Стало б лучше иль хуже от этого быть?
В этом есть лишь одно преимущество:
вы пришли бы ко Мне на подмогу,
от сомнений уставшему Богу».

Ручей

«Вот на днях шел Я вдоль озорного ручья, —
сказал Бог, – он, довольный собой, наслаждался.
Мне он нравился – ведь изобрел его Я —
он по скалам бурлил и игрался.
Текла ловко вода, но Я выдал приказ:
прекратить бег, вернуться к истокам!
И Мой умер ручей. Я решил в этот раз
поступить без причины жестоко.

Право быть...

Бог сказал: «Я хочу отвечать
перед Божеской Высшей Элитой,
почему стали существовать:
стрекозы, кристаллы, термиты,
ржавчина, смерть и рассвет...
Дать суду Я хочу свой ответ:
пусть и судья, и свидетели
оценят Мои добродетели
и мужество отвечать за грехи...
И если дела Мои будут плохи,
пусть наказан Я буду начисто
за недостойное качество
того, что создал во Вселенной
вечной, огромной, нетленной.
Пусть скажут Мне прямо и строго —
имею Я право быть Богом?»

Генеральный директор

«Я директор Вселенной Своей,

кто главней, генеральней? —

Бог говорит. — Как заботливый руководитель,

предприятия этого главный распорядитель

рентабельней видеть желал бы его, идеальней.

Скромный трудяга, как жук-короед или бык молотящий,

имели бы право на солнце, на музыку,

на праздник души настоящий.

Чтоб подмастерья: родник, дающий ручью истечение,

или бутон георгина — новое вдруг

ощутили бы предназначенье.

Дряхлые луны мои, овдовевшие звезды, как пенсионеры,

счастья могли получить свою долю, к примеру...

Я непременно наведаюсь к ним, озабоченный этой затеей.

Мы все навалимся дружно — работа пойдет веселее».

Бог остался один

«Однажды, вблизи никого из друзей, с кем знаком, —
Бог говорит, — и от нечего делать
решил Я соседнюю розу проведать,
понаблюдать за ее лепестком.
Вот он отлетел от головки цветка,
потрепыхался в струях водопада.
Сорока его подхватила слегка
и понесла к ветке дуба — ей надо.
Но выхватил ветер из клюва его,
и он оказался под колоннадой,
там в сновидениях время провел.
А после к поэту попал — вот награда —
тот обессмертил его своей одой,
изрядно подправив воображеньем...
И Я удивился тут соображенью,
что где-нибудь в мире с другою природой,
в лучшем, чем Мой, необычном таком,
Я б с удовольствием стал лепестком».

Инкогнито

«Несложно сделать камень, ручей, козодоя,
сложнее яблоко, комету, море, снег, —
Бог говорит, – но все-таки какое
об этом представление имеет человек?
Он намеревается, Я честно вам признаюсь,
Меня за Мое творчество все время наказать.
Я, от него спасаясь, переодеваюсь
и буду жить инкогнито, чтоб встречи избежать».

Дерево – бог

Бог сказал: «Со мною приключилась сага:
отдыхал Я вечером и гляжу, идет
ко Мне большое дерево важным таким шагом.
Я с ним поздоровался, а оно неймет.
Но остановилось и пустило корни
прямо перед домом, под моим окном.
Выросло красивое, высокое, задорное,
листьями трепещет и птичек заодно
ласково приветствует: то красную, то синюю...
Я даже испугался, мысленно смеясь:
крону распустило надо Мной, как скинию,
стало богом дерево, лучшим, чем сам Я».

Про обузу

«Я не хочу, – Бог сказал, – быть обузой и тяжкою ношей всем, кто поверил в Меня, кто в молитве дотошен.

Я бы хотел, чтобы люди со Мной говорили так просто, как с яблоком, как с пауком, как с дубовым наростом.

Я ведь незлой, и пленить Меня можно улыбкой чистосердечной и поющей скрипкой.

А еще Я люблю получать,

если кто-то предпримет попытку,

с видом приморским и со стихками открытку».

«Но Я хочу, – сказал Бог, – быть серьезной обузой тем, кто не верит в Меня и не хочет со Мною союза».

Не понять Меня

«Человек, – сказал Бог, – хочет видеть во Мне человека, ель, гальку, всего понемногу.

И он прав – Я готов гривой стать на коне, пеной в море, игрушкой единорогу...

Без Меня одиноко им всем, непривычно, ошибаются только они, как обычно.

Не понять им природы Моей, и они, не сумеют ни понять Меня, ни оценить, как предмет, Меня другом считают, от материи духа не отделяют.

А Я – Бог, осудивший Себя добровольно на то, чтобы сущность Мою не изведаль никто».

Если ты думаешь...

О, если ты думаешь, – Бог говорит, —
что знать Я хотел бы, чей Я фаворит,
кто Мой покровитель, Создатель:
обычный гончар и ваятель
или обязан Я Небытию,
Цербером душу хранящим Мою?..

О, если ты веришь, что знаю Я, как
мир должен создать по законам, и так,
став в качестве эксперимента
их жертвой, творцом, инструментом?..

О, если ты думаешь, что, как дитя,
ты, в своем мире Меня обретя,
подобием стал без улыбок,
наделав немало ошибок?..

Скажу тебе, все это вместе собрав:
в оценке Меня ты, конечно, неправ
и объясняешь бесстыдно
сущность Мою, в ней не видно
очарования возможности
Моей бесконечной ничтожности.

Поменять

«Как перо потерять может птица,
как реке в половодье не спится,
как листва дуб оденет иль ивы,
как морские порты слепы, кривы,
так и люди, – сказал Бог почтенный, —
должны веру менять непременно
через несколько лет, чтоб обряды
обновить, перекрасить ограды,
поменять алтари и амвоны,
книги, святцы, псалмы и законы,
сонм святых и архангелов сборы,
одеянья монахов, уборы...
Чтобы самый ничтожнейший бог
самым Большим соделаться мог».

Так гибнут боги

Бог сказал: «Говорить с человеком о Боге не могу Я, он думает, что Бог зависит от его настроений, сомнений, тревоги и от мыслей, что разум Мой скоро превысят. Но люблю Я его, он творенье Мое, Я желаю ему состоятельности. Так вот гибнут все боги в упованье своем и в избытке доброжелательности».

Моя роль

Плачется Бог: «Нет у меня дневника,
нет интима, нет тына.

Я не могу написать пару слов
ни по-русски, ни на латыни.

В созданном мире все в тайне Я должен держать.

Сам не могу испугаться ни в прятки сыграть,
ни притаиться в глазу антилопы,
ни в траве раствориться.

И вообще, слово «быть» не может ко мне примениться.

Вы знайте и верьте, Я с нежностью к вам отношусь,
но показывать это Я вам никогда не решусь.

Такая уж роль у Меня, и она никуда не годится!»

Как смириться?

«Я бы очень хотел, чтобы имя Мое перестали, — говорит Бог, — поминать на словах, на бумаге, в металле. И Меня бы себе самому предоставили, разве так сложно? Ведь постигнуть Меня до конца все равно невозможно: Я ведь тело, лишённое брэнного зыбкого тела, Я больная душа, антитеза беспечной и легкой души. Оставляйте с собою Меня одного всегда смело, чтобы Я мог свою неизбежно работу вершить — постоянно Я ночью и днем, как хочу изменяюсь, Я на это Себя осудил и Сам с этим смиряюсь. Не проникнуть в природу Мою, но вот что интересно — всем при этом она досконально известна. Оттого у Меня не проходит тревога — как смириться с таким пониманием Бога?»

Вы давно себе...

Бог, мы тебе поклоняемся, дай нам дождя и росы.
Мир подари нам, безгрешности дай благодарной часы.
Даруй поколения новые и урожаи хлебов,
которые так переменчивы, зависят от холодов.
Дай нам славу Твою, дай нам ясность, единственный Бог,
чтобы каждый из нас подражать Тебе мог.

Но Бог шепчет в ответ: «Любовь ваша убога,
молитвы все – ложь: вы давно себе боги».

Буржуй

Сказал Бог: «Для авторитета
Себя представил господином.
Вот вышел Я, купил газету,
спокойно оглядел витрины,
зашел в кафе, взял тоник с виски,
задел хозяйку невзначай,
сказал ей: «Извините, миссис!»,
дал, щедро расплатясь, на чай.
На бирже подскочили цены —
Я выиграл к исходу дня.
И Мне приятно, несомненно,
буржуем чувствовать Себя».

Как некто...

«Истекая потом, хожу по тротуару, —
Бог говорит, – как Некто, кто Мне вопрос задаст:
«Не свалится ль на голову Мне небо?» – «От удара
свалюсь тогда Я в обморок, растянусь как пласт».
Меня спешат утешить, сиренью одаряют
и даже аспирин вручают порошок.
Я бормочу бессвязно: «За все Я отвечаю»,
«Вселенная», «Тревога», «Где для цветов горшок?»
А Легкие забиты, одышка, боль и спазмы.
«На пенсию, – ору Я, – все боги!» И вперед,
навстречу горизонту в беспамятстве, маразме
на сумасшедшей скорости Меня такси везет».

Хочу быть слугой

«Хочу, – скажет Бог, – Я слугой быть орущего
хозяина, строгого и всемогущего,
который ни в чем бы со Мной не считался,
наказывал бы без вины, издевался,
несправедливо давал приказания,
его бы Я слушался без понимания,
власти лишенный, смиренный как пес,
как бык под ярмом свою долю бы нес,
Я б не бунтовал – надо смелости много.
Совсем недостойным Я б сделался Бога».

По ошибке

«Пусть любовь, – Бог говорит, – не будет вам обузой,
басни избегайте и ложности ее,
она змее подобна, спящей под арбузом,
вы не наступите случайно на нее.

В Моем мире камни камнями остаются,
ручейки становятся молодой рекой,
а по небу синему облака несутся...

Но никому не поручал Я миссии такой:
чтоб из искр огненных птичек извлекали,
а инеем писали названья кораблей...

Вы по ошибке, видимо, себя со Мной сравняли.
Не распинайте, люди, реальности Моей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.